

Глава 1

*Российская империя
Малороссия, 1836 год*

Заложив руки за спину, Константин Русинов стоял у окна и с неудовольствием смотрел на приближающееся облако пыли. Фасадом дом выходил на дорогу, огибающую усадьбу и уходящую на восток, к Днепру. В ясный день со второго этажа хорошо просматривалась река, а отсюда, из гостиной, можно было наблюдать за дорогой, ведущей на запад, и именно оттуда надвигалось, клубясь, облако пыли.

Даже если бы Русинов не знал, что сегодня проходят скачки, об этом можно было легко догадаться по людям, толпящимся вдоль обочин неподалеку от особняка: их поведение было верным признаком приближающегося праздника. Его казаки любили добрые скачки не меньше, чем славную сечу, и эти сильные, смелые люди были безгранично преданы барону и его семье.

Русинов привык считать их своими, ибо казаки давно и прочно были связаны с его семьей, но при этом не мог сказать, что они — его собственность. Слово «казак» означает «вольный воин», и русиновские казаки были именно вольными воинами, но с тех пор, как прапрадед Константина разрешил им селиться на своей земле и в мире и в покое растить детей, они охотно работали на Русиновых в качестве слуг, конюхов, а в основном — телохранителей.

Казачье поселение, основанное много лет назад, давно уже превратилось в процветающий городок, расположенный менее чем в полуверсте от поместья, а семейство Разиных, долгое время поставляющее городу начальников всех мастей, было едва ли не богаче русиновского. Население городка на три четверти состояло из многочисленных отпрысков различных ответвлений этой фамилии.

Заручившись их помощью, Константин разводил лошадей, которых поставлял царской армии, а чистокровных породистых скакунов продавал аристократам, способным выдержать такие траты. Рынки Киева и прилежащих сел были завалены сахарной свеклой с его полей, а его пшеница высоко ценилась по всему побережью Черного моря. Константин потихоньку богател, и, после того как десять лет назад умерла его жена, он, по примеру большинства русских дворян, окончательно обосновался в своем имении. Московским домом Русинова и особняком в Санкт-Петербурге теперь владела его сестра.

— Тебе это не понравится, дорогой.

Анна Вере́йская стояла у соседнего окна и смотрела туда же, куда и он. Она принадлежала к тому редкому типу женщин, которые, кажется, никогда не стареют. Ее каштановые волосы, всегда тщательно причесанные, карие глаза и тонкие черты лица производили впечатление нетленной красоты, и никому бы и в голову не пришло, что ей уже тридцать пять.

Ее тон насторожил Константина. Наклонившись вперед, он оперся на раму и внимательно взгляделся в приближающихся лошадей.

4 Это случалось уже не в первый раз и, судя по всему, не в последний, и в глубине души ба-

рон знал, что увидит. Но внутри пыльного облака, уже почти достигшего дома, он разглядел лишь неясные очертания шести измученных лошадей, теснивших друг друга на узкой дороге. Мелькали меховые шапки, развевались длинные одежды, точеные лошадиные ноги вытягивались в последнем порыве к уже недалекому финишу — на окраине ближайшего села. Большая белая овчарка бежала по обочине, еще больше возбуждая коней своим лаем.

— Алин будет первой, — удовлетворенно сказала Анна.

— Конечно, первой, — проворчал Константин, не сводя глаз со всадника впереди: тот сначала вжался в седло, а теперь медленно выпрямлялся во весь рост. Вдруг, привстав в стременах, он со смехом сбросил меховую шапку, и остальные всадники последовали его примеру.

Барон в ужасе закрыл глаза и прошептал:

— Она всегда выигрывает, но я не хочу, чтобы ты постоянно напоминала ей об этом: она тогда вообще потеряет голову и станет настоящим сорванцом.

Анна только прищелкнула языком, и Константин почувствовал, как ее грудь уперлась ему в спину, а руки сомкнулись на талии.

— Ты можешь открыть глаза, дорогой, — она не сломала себе шею.

— Слава Богу! — выдохнул он, и тут же пережитый страх уступил место гневу: — Клянусь, на этот раз она будет как шелковая. Я ее в бараний рог согну.

Анна хмыкнула:

— Ты всегда так говоришь, но никогда не делаешь. Кроме того, тебе не позволят братья Разины.

— Я поговорю с их отцом. Ерофей сделает все, о чем я попрошу.

— Но он не даст и волоску упасть с головки этого очаровательного ребенка. Ерофей обожает ее не меньше, чем ты.

Константин вздохнул и, повернувшись, обнял ее.

— Анна, любимая, этому «очаровательному ребенку» двадцать пять, и она уже слишком взрослая для таких глупостей. Ей давно пора выйти замуж и нянчить детей. Лида уже подарила мне пятерых внуков, Лиза успела родить троих до того, как овдовела, так почему же не выдать замуж и младшую дочь?

Анна решила не упоминать о той возмутительной выходке, после которой царь Николай неофициально изгнал Александру из столицы: всякий раз воспоминание об этом вызывало у нее неудержимый смех. Однажды на Масленицу, во время званого обеда у Романовских, княгиня Ольга громогласно пожаловалась, что, несмотря на все свои усилия, она за минувший год еще больше прибавила в весе.

В ответ на ее жалобы Александра вполне невинно и искренне предложила:

— Тогда почему бы вам не перестать набивать рот блинами со сметаной? Вы бы сразу сбросили фунт другой.

Так как княгиня в этот момент как раз занималась тем, что набивала рот блинами, то ничего удивительного, что многие гости внезапно начали кашлять в салфетки и искать под столом якобы оброненные предметы. Анна, присутствовавшая на этом обеде в качестве старшей подруги и покровительницы Александры, нашла это происшествие забавным, но Ольга Романовская была иного мнения и пожаловалась царю, требуя немедленной расправы с обидчицей. Анна считала, что Александре еще повезло и царь

6 всего лишь вежливо намекнул Константину,

чтобы тот увез свою дочь подальше от столицы — туда, где ее острый и своевольный язычок не смог бы жалить никого, кроме крестьян.

К сожалению, этот печальный опыт ничему не научил Александру, и во время следующего сезона в Москве, а потом и в Харькове, не говоря уже о Киеве, до которого было рукой подать, она вела себя точно так же и приложила все усилия, чтобы стать парией в высшем свете. Анна подозревала, что поведение Алин вовсе не случайно: уж чего-чего, а ума ей было не занимать. Дело в том, что вскоре после этого злополучного сезона девушка призналась, что влюблена в благородного Кристофера Лейтона, с которым познакомилась в Петербурге, и объявила, что выйдет замуж только за него и ни за кого другого, а есть ли лучше и надежнее способ оградить себя от многочисленных претендентов на ее руку, пока она будет дожидаться медлительного англичанина? Впрочем, хотела этого Александра или нет, но случилось именно так.

Что же касается вопроса Константина, то Анна напомнила ему о человеке, все эти годы владевшем сердцем его дочери:

— А ты не думаешь, что она до сих пор еще ждет этого английского дипломата? Нет?

Константин фыркнул:

— Через семь-то лет? Что за чепуха!

— Но ведь из России он уехал всего лишь три года назад, — заметила Анна.

— После того как я запретил ей ездить в Англию, Александра ни разу не упомянула его имени, — возразил Русинов.

— А разве не тогда она объявила, что никогда не выйдет замуж?

Константин вспыхнул, вспомнив эту баталию, — ссора, которая произошла у него с дочерью, была одной из самых ожесточенных.

— Она просто погорячилась.

Анна вскинула брови:

— Кого ты хочешь обмануть — меня или себя? Или, может быть, ты не заметил, что Алин игнорирует всех кавалеров, с которыми ты пытаешься ее познакомить, и уже три года не ездит никуда, кроме Киева, да и то лишь за покупками, ухитряясь и тут находить всякие отговорки, чтобы не покидать дома и сидеть взаперти.

Услышав собственные подозрения, высказанные Анной, Константин испытал облегчение, и чувство вины, мучившее его всю последнюю неделю, казалось, ослабло. Действительно, бесконечные отговорки Александры всегда звучали вполне обоснованно и искренне, но все же это были не более чем отговорки. И, когда на прошлой неделе она придумала очередную убедительную причину, чтобы не ехать с отцом в Васильков в гости к своей сестре и племянницам, Русинов пришел к тем же выводам, что и Анна, и в гневе оттого, что младшая дочь губит свою молодость из-за этого чертова иностранца, выпил лишнего и решил на то, чего никогда бы не позволил себе на трезвую голову.

По тому, как напряглось его крупное тело, Анна поняла, что барона что-то мучает. Она заглянула ему в лицо, но его синие, словно полуночное небо, глаза избегали ее взгляда.

Ее муж и жена Константина умерли в один год. Все четверо были близкими друзьями, и дружба, связывавшая ее с Константином, не угасла, а восемь лет на-

зад даже превратилась в нечто большее. Анна нежно любила барона, хотя и отказывалась

променять свою вдовью независимость на положение законной супруги. Да и не было необходимости вступать в брак, ведь она и так жила с ним в качестве домоправительницы и даже хозяйки, а также компаньонки и покровительницы его младшей дочери и, когда возникала необходимость, прилежно исполняла эту свою роль — правда, в последнее время это случалось все реже. Так что Анна знала Константина слишком хорошо и, чувствуя, что он стыдится чего-то, с откровенностью, достойной его младшей дочери, спросила:

— Послушай, Русинов, что ты опять натворил?

Он высвободился из ее объятий и молча направился к буфету красного дерева, где выстроились многочисленные хрустальные графины с его любимыми напитками. Анна подошла к нему и остановилась рядом, наблюдая, как он наполняет до краев водкой большую рюмку и подносит ее к губам.

— Неужели все так плохо? — мягко спросила она и, заметив его слабый кивок, сказала: — Тогда уж налей и мне.

— Нет. — Он поставил на стол наполовину опустошенную рюмку и, не выпуская ее из пальцев, повернулся к Анне: — Плесни водки мне в лицо, запусти рюмку в голову, а лучше всего — графином!

Должно быть, вся его семья отличалась такими бурными проявлениями своего характера, но Анна была совсем иной и не на шутку встревожилась:

— Расскажи-ка мне все.

Константин все еще не решался посмотреть ей в лицо.

— Я нашел Александре мужа.

Услышав это заявление, Анна успокоилась и перевела дыхание. В этих словах не оказалось ничего нового. За последние семь лет барон неодно-

кратно пытался найти дочери мужа, так чем же он смущен и пристыжен сейчас?

— Мужа? — осторожно переспросила она. — Но Алин откажет ему, как отказывала всякий раз, когда ты предлагал ей очередного претендента на ее руку.

Русинов медленно покачал головой.

— Не откажет? Но... — Не закончив фразы, Анна расхохоталась: — Только не говори мне, что на сей раз надеешься настоять на своем. С твоей дочерью, дорогой, это не пройдет: она еще упрямее тебя. Дело кончится тем, что ты опять наорешь на нее так, что весь дом задрожит, а потом все-таки уступишь, как бывало всегда.

Продолжая избегать ее взгляда, Русинов снова с самым несчастным видом покачал головой. На щеках его по-прежнему горел румянец, как у человека, искренне стыдящегося своего поступка, и Анна, теперь уже не на шутку испугавшись, повторила свой вопрос:

— Что ты натворил?

Опустив голову на грудь, он еле слышно пробормотал:

— Я не оставил своей дочери выбора.

Анна махнула рукой, словно отменяя его слова:

— Выбор всегда есть.

— На этот раз нет, потому что затронута честь семьи, по крайней мере она будет так считать, а это единственное, чем она не посмеет пренебречь.

— Что это значит?

— Это значит, что я пожертвовал собственной честью, порядочностью, принципами...

— Да в чем, черт возьми, дело?!

Анна никогда не повышала голоса. Она была воплощением скромности и благородства и да-

же в гневе говорила спокойно и тихо, отчего ее противник начинал чувствовать себя чудовищем, так что этот неожиданный крик заставил Константина поднять глаза, но в них читалось не удивление, а ужас. Русинов мог навсегда потерять Анну, если бы она узнала, как низко он пал в своем стремлении обеспечить своей младшей дочери счастье и полноту жизни, которые обрели ее сестры.

Он стоял перед ней, подавленный чувством собственной вины, такой поникший и несчастный, что Анна, не выдержав, со слабым криком бросилась ему на грудь и обвила его шею руками.

— Я знаю, что все не так ужасно, как ты себе представляешь, — зашептала она ему на ухо, а добраться до его уха было настоящим подвигом, потому что Русинов возвышался над ней на добрые пол-аршина. — Ну, говори же.

— Я устроил ее помолвку.

— Помолвку? — В голосе Анны прозвучало неподдельное облегчение. Не разжимая объятий, она откинула голову назад, чтобы видеть его лицо. — Слава Богу, — с чувством сказала она. — Я уж думала, ты кого-нибудь убил.

Выражение лица Константина оставалось таким же скорбным, как и раньше, но теперь по крайней мере он хотя бы смотрел ей в глаза.

— Мне кажется, я чувствовал бы то же самое, если бы убил кого-нибудь, — проронил он.

Глаза Анны вспыхнули. В эту минуту она готова была ударить его, а ведь никогда не подозревала, что способна на такое.

— Черт возьми, да говори же толком, пока не свел меня с ума! — закричала она, и Русинов отшатнулся.

Он привык к вспыльчивости дочери и всегда был готов ответить ей тем же, но от своей маленькой Анны он этого никак не ожидал! Впрочем, он заслужил ее презрение.

Собравшись с духом, он заговорил:

— Я написал графине Петровской.

Анна задумчиво нахмурилась:

— Мне кажется, я уже слышала это имя.

— Помнишь, я рассказывал о ее муже, Сергее?

— Твой близкий друг, да? Он умер... Пстой, лет тринадцать назад?

— Четырнадцать.

Русинов замолчал, и Анна снова нахмурилась, на этот раз от досады. Похоже, ей придется клещами вытягивать из него эту историю.

— Графиня, стало быть, его вдова, но какое отношение это имеет к помолвке? И когда ты успел ее устроить?

— На прошлой неделе.

Несмотря на свое раздражение, Анна все-таки надеялась, что он ответит по-человечески, а не будет отщелкиваться междометиями.

— Но на прошлой неделе ты никуда не уезжал, — заметила она, — а гостей у нас не было.

— Алин помолвлена с сыном Сергея. Я напомнил об этом Марии и намекнул, что пришло время прислать сына за невестой, хотя, конечно, и не в таких выражениях. Я проявил весь свой дипломатический талант, но суть именно такова.

Анна не верила своим ушам — ведь она никогда не слышала ни единого слова об этой помолвке.

— Почему же ты молчал об этом раньше? Ведь вы наверняка заключили этот договор, еще когда

12 Сергей был жив. Так зачем мы все это время

подсовывали Алин всяких выгодных женихов, если она уже связана обещанием? Ведь он, кажется, кардинец*, верно?

И снова Русинов ответил лишь на последний вопрос:

— Да.

Анна просияла:

— Тогда чем же ты недоволен, милый? От такой партии ты должен быть в восторге!

Она помолчала, чтобы собраться с мыслями.

— Только не говори мне, что ты вспомнил об этом только на прошлой неделе, — сказала она, придя к определенным выводам.

— Конечно, нет. — Константин повернулся, чтобы допить водку и налить себе еще. — Дело в том, что никакой договоренности о помолвке никогда не существовало.

У Анны перехватило дыхание:

— Что ты сказал?

Он снова отвел глаза и, прежде чем ответить, сделал глоток из рюмки.

— То, что я написал графине, — сплошная ложь, за исключением того, что мы с Сергеем действительно обсуждали возможную помолвку, когда родилась Александра. Мы тщательно все взвесили и решили, что это блестящая мысль, но никогда не существовало никакой письменной договоренности. В конце концов мы считали, что в нашем распоряжении еще достаточно времени. Александре тогда не исполнилось и года, а мальчику — всего только шесть. Итак, теперь ты понимаешь, что я наделал.

* Кардиния — вымышленная, придуманная автором страна. — *Примеч. пер.*

Анна вздохнула. Дела обстояли не так уж плохо, и все можно было еще поправить, если, не мешкая, послать графине другое письмо, но она желала сначала удостовериться, что все поняла должным образом.

— Итак, ты вспомнил о помолвке, которой никогда не существовало, заявил претензии, не имеющие под собой никакой почвы, и сделал это лишь потому, что твой друг мертв и не может опротестовать твое заявление. Именно об этом ты так долго и не решался мне сказать.

— В тот момент, когда я писал письмо, я был пьян. Ты тогда осталась в селе помогать роженице. Когда эта мысль пришла мне в голову, я счел ее прекрасным решением всех проблем. Собственно говоря, у меня нет ни малейшего сомнения, что, если бы Сергей был жив, наши дети обвенчались бы еще семь лет назад.

— Может быть, и так, но ведь этого не случилось, а сейчас одной твоей уверенности маловато. Ты должен написать графине правду до того, как она прийдет сюда своего сына.

— Нет.

— Нет?

— Это по-прежнему останется прекрасным решением всех проблем.

Глаза Анны сузились:

— Так вот почему у тебя такой виноватый вид! Значит, ты не собираешься исправить то, что натворил?

— Это мой крест, и мне придется его нести, — упрямо ответил Константин. — Подумай, Анна, а вдруг они идеально подходят друг другу? И тогда одна маленькая ложь...

— Маленькая?

— Ну, безобидная, — настаивал он. — Что, если
14 благодаря ей соединятся двое людей, которые

иначе никогда бы не встретились, а между тем созданы друг для друга?

Анна покачала головой:

— Ты наивный мечтатель. А может, просто принимаешь желаемое за действительное, чтобы избавиться от чувства вины?

— Но ведь в этом нет ничего невозможного?

— Это с нашей-то Алин?

Ее скептический тон раздражал его, тем более что он лучше любого другого знал недостатки собственной дочери, но, словно забыв о них, продолжал гнуть свою линию:

— Ведь по крайней мере в одном Александре не откажешь: она красива.

— Этого никто не отрицает. Но разве от ее красоты у нее стало больше поклонников? Ты не хуже меня знаешь, что Алин отталкивает сильнее, чем пленяет, а мужчины обычно не любят преодолевать препятствия. Просто чудо, что англичанин так долго ухаживал за ней и до сих пор пишет ей письма. Хотя, быть может, у него просто хорошие манеры.

Напоминание об иностранце, завладевшем сердцем дочери и при этом не имевшем ни малейшего желания лелеять и хранить эту любовь, было неприятно барону. Если бы англичанин все еще был в России, Константину пришлось бы серьезно задуматься о том, не застрелить ли его. Но, слава Богу, теперь этот мужлан достаточно далеко отсюда!

— Мы с Сергеем были во многом схожи. Он любил прямоту, ненавидел лицемерие и уж, конечно, не был снобом. Я думаю, его сын унаследовал эти качества.

— Помнится, ты говорил, что твой друг был не прочь поволочиться за женщинами?